

Гремит Манойлович, Идол Жидойлович и Анна, племянница Владимира-князя

Как во славной Земли было Турецкой,
У Гремит-короля, сына Манойлова,
Кабы было-де пированье, столованье,
Кабы был-то у их, братцы, почесен пир
Ах на многих на князей, всё на бояров,
Да на тех же турзов-мурзов удалых,
Как на тех же палениц да преудалых.
А Гремит-король по полику погуливат,
Как сапог-де о сапог да поколачиват,
Как скобоцька о скобоцьку пощолкиват,
Кабы русыма кудрями сам натряхиват,
Кабы ясныма оцями сам розглядыват,
Да весёлую речь сам выговариват:
«Ой вы ой есь, мои князя-бóяра!
Уж вы сильние могуты всё богатыри!
Уж вы ой есь, купци-гости торговые!
Уж вы ой есь, кресьяна православные!
Ище хто же из вас знает сужону,
А по-руськи назвать жоной венчальную —
По-немецки назвать супружницу:
Как статным была статна, да полна возрастом,
Как лицом была она, да аки белой снег,
А глаза-ти у нее да ясна сокола,
А как брови у нее да чёрна соболя,
Как реснички у ее, штобы сиза бобра,
Как сиза бы бобра да всё сибирского,
Как походоцька у ней была упавная,
Кабы речь-поговоря тихо-смирная?»
Кабы меньши хоронятся за средниих,
Кабы средни хоронятся за большиих,
Как от большиих Гремиту всё ответу нет.
Как сидел за столом да за передним,
Как на том жо на стуле всё на золоте

Молодой-де Идол да сын Жидойлович.
Вышину был Идол да две сажени нынь,
Ширину был Идол да как коса сажень,
Как коса же сажень да нынь печатная.
Как ставал-то Идол да на резвы ноги,
Подходил-то ко Гремиту поближешенько,
Поклонялся он Гремиту понижешенько:
«Уж ты ой еси, Гремит да сын Манойлович!
Ты позволь-ко, Гремит, да слово вымолвить,
Не позволь-ко за слово скоро сказнить,
Нескоро ты сказнить, скоро повесити».
Говорит-то Гремит да сын Манойлович:
«Уж ты ой еси, Идол да сын Жидойлович!
Говори ты, Идол, да не упадывай,
Не единого слова не затаивай». —
«Я то прежде-то был да в земли Руськоей,
Я во том-то во городе во Киеве,
У того-то у князя у Владимира,
У того-то бы есь нынцѣ племянница,
Кабы та же ли Анна-княженецька дочь.
Как статным она статна, да полна возрастом,
Как лицом-де она, да аки белой снег,
Как глаза-то у ее да ясна сокола,
Кабы брови у ее да чѣрна соболя,
Как реснички у ее, аки сыза бобра,
Как походецька у ей, будто упавная,
Ищѣ рѣчь-поговоря тихо-смирная».
Наливат-то Гремит сын Манойлович,
Наливат он чару зелена вина,
А не малу, не велику — полтара ведра,
Припалниват чашу пива пьяного,
На заедку турей рог да мѣду сладкого,
На закуску колачик бел-круписчатой.
Подавал-то Идолу 'сѣ Жидойлову:
«Прими, выкушай ты чару зелена вина,
Послужи ты ли мне да верой-правдою,
Ты вочью-де, позавѣчью — не изменюю,
Ты ле съезди во стольнѣй во Киев-град,
Ты посватайся на Анне княженевской,

Уж ты — чесью дают, дак бери с радосью,
Ищ' ле чесью не дают, дак бери нечесью,
Розгроми их полаты белокаменны,
Посади князя в злодейку землену тюрьму».
Говорит-то Идол да сын Жидойлович:
«Уж ты ой еси, Гремит да сын Манойлович!
Ищэ сколько я рад да был чару пить,
Ищэ вдвое я рад службы служить,
Службы служить, да головы сложить.
Погрузи ты мне черленых тридцеть караблей,
Ищэ дай мне-ка силы тридцеть тысецей».
Как пошел-то Идол да сын Жидойлович
Как на те же черлены больши карабли,
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали все те сходенки дубовыя,
Роспускали паруса белы полотнены,
Побежали-то по батюшку синю морю.
Как одна-та сторона там знаменулася,
Как друга-то сторона да показалася,
Подбегали-то во гавань карабельнюю,
Как во ту жо во пристань во глубокою,
Опускали парусы белы полотнены,
Выкатали якоря новы булатныя,
Кабы клали-то сходни кончём на берег.
Как пошел-то Идол да сын Жидойлович,
Да идёт-то во славной стольнёй Киев-град.
Как заходит-то во славной стольнёй Киев-град,
Как идёт-то к полаты княженевскойей,
Да заходит на крылецько на прекрасное —
Как под им-то крылецико кацяетсе,
Косяки-де, перила покосилися.
Да не спрашивал у дверей он придверников,
У широкиих ворот да приворотников,
Да заходит нынь в полаты белокаменны,
Да проходит-то в новы ныньце горницы —
Кабы руськиим богам Богу не молитця,
Как Владимиру-князю он челом не бьёт,
Он челом-де не бьёт, да голову не гнёт.
Подходил ' ему солнышко Владимир-князь:

«Уж ты здравствуй, Идол да сын Жидойлович,
Ты куды же поехал, куды правишсе,
Ты куды же, Идол, да нынче путь держишь?»
Говорит-то Идол да сын Жидойлович:
«Я бы еду от Гремита-короля сына Манойлова,
Я приехал к тебе нынче посвататьца,
Да на той же на Анны княженевской.
Кабы чесью отдашь, дак возьму с радосью,
Кабы чесью не отдашь, дак возьму нечесью,
Розгромлю твои полаты белокоменны,
Засажу тебя в злодейку землю тюрьму».
И весьма-то испужался князь Владимир тут,
Побежал Владимир во второй покой,
Как ко той ко Анны княженевской:
«Уж ты ой есь, племянница любимая!
Уж пришел на тебе да жених свататьца
От Гремита-короля сына Манойлова,
Да приехал-то Идол да сын Жидойлович,
Кабы чесью идёшь, дак берёт с радосью,
Ищэ чесью не идёшь, дак берёт нечесью,
Розгромит мои полаты белокаменны,
Засадит меня в злодейку землю тюрьму».
Говорит ему Анна-княженевска дочь:
Уж ты ой еси, Владимир славно-киевской!
Ты не стой-ко за ж<опу> ты за бабию,
Не теряй-ко свою да буйну голову».
Кабы стала-то Анна снаряжатися,
Ищэ стала она да сподоблятисе,
Надевала на ся да платье цветное,
Как брала с собой ящицёк хорошинькёй.
Как оттуль-то Владимир поворот доржит,
Подходил он к Идолу ко Жидойлову,
Подносил ему цяру зелена вина,
Да не малу, не велику — полтара ведра,
Говорит-то Владимир таковы слова:
«Уж ты ой еси, Идол да сын Жидойлович!
Прими выкушай ты чару зелена вина,
Ты помешкай немножко, всё поправитце».
Как берёт-то Идол да единой рукой,

Выпиваёт Идол да к едину духу,
Да поправилась Анна-княженевска доць,
Как пошла-то на черлены больши карабли,
Да пошел там Идол да сын Жидойлович
Да на те же на черлены больши карабли.
Обирали якоря новы булатныя,
Обирали они сходни вси дубовыя,
Роспускали паруса белы полотнены,
Побежали-то по батюшку синю морю.
А бежали-то по батюшку синю морю —
Там одна-де сторона знаменулася,
А друга-де сторона там показалосе.
Выходила-то Анна вон на улицу
Да подале, на черлёны больши карабли,
Увидала-то бы там да видно чад велик,
Ищэ чад бы велик, да дым столбом валит.
Заходила-то назад да в чорной карабель,
Подходила-то к Идолу ко Жидойлову:
«Уж ты ой еси, Идол да сын Жидойлович!
У вас ётам-то ле што ле будто чад велик,
Ищэ чад велик, да дым столбом валит?»
Говорит-то Идол да сын Жидойлович:
«Уж ты ой еси, Анна-княженевска дочь!
Уж варят нам на свадьбу кобылятину,
Ищэ жарят нам на свадьбу жеребятину».
Говорит ему Анна-княженевска дочь:
«Уж ты ой есь, Идол да сын Жидойлович!
Мне нельзя идти по батюшку синю морю,
Ищэ сённи-то мне-ка именинной день».
Говорит-то Идол да сын Жидойлович:
«Уж вы ой еси, мои да слуги верныя!
Опускайте паруса белы полотнены,
Вы меците якоря новы булатныя,
Нам нельзя идти по батюшку синю морю».
Как пошел тогда пир у их навеселы,
Пировали-столовали целы сутоцьки.
Из ума-то Идол тут выпиваетця,
Одолила бы хмелинушка великая,
Кабы заспал Идол да сын Жидойлович,

Кабы спит-то храпит, да как порог шумит.
Как брала-то ли Анна-княженевска дочь,
Как брала-то свою да саблю вострую,
Как отсекала у Идола по плечь голову.
Росходилось его тулово поганое,
Да поганое тулово, сердитоё, —
Поимало мачту карабельную,
А бы вымело-то мачту во мелкó щепьё,
Усмиряло это тулово поганое,
Ищэ пало во черной большой карабель.
Как скамандовала Анна-княженевска дочь,
Как собирали якоря новы булатныя,
Роспускали паруса белы полотнены,
Побежали нынь во стольной славной Киев-град
Ко тому ноньце ко князю ко Владимиру.
Прибежали-то во стольной славной Киев-град,
Опускали паруса белы полотнены,
Выкатали якоря новы булатныя,
Да повыклали сходни кончём на берег.
Да пошла-то ли Анна-княженевска дочь
Как во тот жо во славной стольной Киев-град
Ко тому же ко князю ко Владимиру.
Заходила нынь в полаты белокаменны,
Походила-то подале в нову горничу
К самому ноньце ко князю ко Владимиру:
«Уж ты здраствуй, дядюшка Владимир-князь!
Убирай ты черлены большы карабли».

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., сел. Великая Виска Пустозерской вол. — от Шалькова Николая Петровича, 80 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.